

ОЛИМПИАДНЫЕ ЗАДАНИЯ

11 КЛАСС

Время выполнения задания – 270 мин.

Аналитическое задание

Вариант 1.

Выполните целостный анализ художественного текста. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Выполняя целостный анализ текста, подумайте над следующими вопросами:

- 1. Какие особенности повествовательной манеры М. А. Осоргина обнаруживаются в рассказе «Пенсне»?*
- 2. В чем смысл названия рассказа? Какова роль художественной детали в произведении М.А. Осоргина?*

Михаил Андреевич Осоргин

ПЕНСНЕ

Что вещи живут своей особой жизнью – кто же сомневается? Часы шагают, хворают, кашляют, печка мыслит, запечатанное письмо подмигивает и рисуется, раздвинутые ножницы кричат, кресло сидит, с точностью копируя старого толстого дядю, книги дышат, ораторствуют, перекликаются на полках. Шляпа, висящая на гвозде, непременно передразнивает своего владельца, - но лицо у нее свое, забулдыжно-актерское. У висящего пальто всегда жалкая душонка и легкая нетрезвость. Что-то паразитическое чувствуется в кольце и особенно в серьгах, – и к ним с заметным презрением относятся вещи-труженики: демократический стакан, реакционная стеариновая свечка, интеллигент-термометр, неудачник из мещан – носовой платок, вечно юная и суетливая сплетница – почтовая марка.

Отрицать, что чайник, этот добродушный комик, - живое существо, может только совершенно нечуткий человек; именно чайник, так как кофейник, например, живет жизнью менее индивидуальной и заметной.

Но особенно меня всегда занимала одна любопытная черточка в жизни вещей – не всех, а некоторых. Это – страсть к путешествиям. Таковы: коробка спичек, карандаш, мундштук, гребенка, шейная запонка, еще некоторые. Много лет внимательно и любовно изучая их жизнь, я сначала предположил, а впоследствии убедился, что эти вещи время от времени уходят гулять – на минуту, на час, иногда на очень долгий срок. Есть случаи исторические (семисвечник, голубой бриллиант, исторический труд Тита Ливия и пр.), но в таких исчезновениях отчасти замешана человеческая воля, случай, злой умысел; на примере мелких вещиц легче установить полнейшую самостоятельность поступков.

Обычно такие исчезновения мы объясняем то своей рассеянностью, то чужой неаккуратностью, а нередко и кражей. Раньше я и сам так думал, и, не приди мне в голову понаблюдать жизнь вещей без предвзятого представления об их пассивности и "неодушевленности", - я бы и по сей час думал так элементарно.

Все читающие в постели знают, с какой настойчивостью "теряется" в складках одеяла карандаш, разрезной ножик, коробка спичек. Привычным жестом вы кладете на одеяло карандаш. Через минуту – карандаша нет. Вы шарите, ищите, злитесь: нет и нет. Откидываете простыни, смотрите под подушкой, на коврике, на столике: нет нигде. Ворча встаете, лезете в туфли, заглядываете под постель, находите там спички, запонку, открытое письмо – но карандаша нет. Ежась от холода, вы плететесь к столу, берете другой карандаш (обычно он оказывается неочиненным), чините его, возвращаетесь. Подоткнув под себя одеяло, чтобы согреться, вы наконец берете книжку, отложенную потому, что нечем было отчеркнуть нужное место. Раскрываете книжку – карандаш в ней.

Ясно, что сам попасть он в нее не мог, - но не менее ясно, что вы его туда не положили, не могли положить.

Обычно мимо таких фактов проходят, не придавая им значения. Напрасно! Вглядывайтесь внимательнее, и вам откроется целый новый мир вещей, живущих параллельно той жизни, которую мы для них выдумали.

Я помню поразительный случай с моим пенсне: простое пенсне, без оправы – два стекла и легкая дужка.

Сидя в кресле у стены, я читал; на новой главе хотел протереть стекла, вынул платок, и вдруг – пенсне исчезло. Опытный в этих делах, я обыскал не только все карманы, складки одежды, щели в кресле, маленький столик рядом, листы книжки – все решительно. Пенсне не было нигде; не быть и раньше не могло, так как я очень дальнзорок и мелкой печати без стекол не разбираю.

Не подумайте, что пенсне мое оказалось на носу; в таких случаях я прежде всего ощупываю переносицу; на ней были две свежие ямки – и ничего больше. Я отодвинул кресло, осмотрел на нем все кисточки и пуговицы, о которых Козьма Прутков сказал, что они выдуманы самым глупым на свете человеком, - и все бесплодно.

Это было настолько чудовищно и нелепо, что я разделся, встряхнул одежду, сам подмел паркет от стены до самой середины комнаты. Усомнившись в себе, я обыскал письменный стол в соседней комнате, заглянул на вешалку, стыдливо пробежал глазом по ванной – все было напрасно.

Тогда я вспомнил, что ясно слышал звук падения пенсне; я еще порадовался, что – судя по звуку – оно не разбилось. И вот я снова ползаю по полу, смотрю сбоку, смотрю снизу, смотрю сверху, топаю ногами – чтобы хоть раздавить его, проклятое, и наконец успокаиваюсь. Ни-ка-ких!

Так и исчезло – как провалилось. Но в паркете не было ни единой щелочки.

Прошла неделя или больше. Про этот случай я не забыл и много раз о нем рассказывал, показывая и место происшествия. Как обычно, скептики смеялись, практики перещупывали кресло и осматривали пол, прислуга перетерла тряпочкой все предметы, вымела все пылинки и даже вымыла черную лестницу (до следующего этажа). Вся квартира обновилась, посвежела – но пенсне не было.

Один мой знакомый, заинтересовавшись случаем, хотел дойти до разгадки индуктивным способом. Он записал номер пенсне, начертил план комнаты, отметив расставленную мебель, спросил, нет ли у меня в квартире обезьяны, кошки или сороки, где я провел вечер накануне, - и целый день мыслил, пользуясь главным образом, методом исключения. К вечеру, недоверчиво и недружелюбно подав мне руку, он ушел. Жена его рассказывала потом, что он стонал всю ночь. Раньше это был спокойный человек, умеренных политических убеждений, знаток испанской литературы.

И вот сидел я однажды в том же кресле у той же стены, лишь с другой книжкой, по обыкновению отчеркивая карандашом наиболее умные и наиболее глупые места. На носу у меня было уже другое пенсне, новенькое, тугое, раздражающее. И вдруг – раз! – и падает карандаш. Перепуганный (не шутя! тут любопытнейшее психическое переживание!), я бросаюсь вдогонку. Мне почему-то представилось, что и карандаш должен бесследно исчезнуть. Но он лежал спокойно у стены, и... рядом с ним, смирненько, плотно прижавшись стоймя к стене, блеснули два стекла с тоненькой дужкой.

Вы можете, конечно, смеяться и утверждать, что я слеп (это неправда! я дальнорезок, но вижу отлично), что слепы все мои знакомые, слепа прислуга, ежедневно подметавшая каждый вершок пола, что это просто курьезный случай и прочее. Реалистически мыслящий человек имеет на все готовый ответ. Но нужно было видеть физиономию моего

пенсне, вернувшегося из дальней прогулки, чтобы понять, что это — не случай и не недоглядка.

Еще поблескивая мутными, запыленными стеклами, жалкое, виноватое, словно вдавленное в стенку, оно являло картину такого рабского смирения, такой трусости, точно не оно — наездник моего носа, точно не я без него, а оно без меня не может существовать.

Где оно шлялось? Что оно перевидало (конечно, в преувеличенном виде!)? И чем объяснить такую странную привязанность вещей к человеку, заставляющую их возвращаться, хотя бы им удалось так ловко обмануть его бдительность?

На все эти вопросы ответить трудно. Но что пенсне мое гуляло, и гуляло долго, до изнеможения, до пресыщения и страшной душевной усталости, - в этом я, свидетель его возвращения, сомневаться не могу.

Я сильно наказал гуляку. Я заставил его простоять у стены еще несколько часов, показал его прислуге, знакомым, от которых, впрочем, не услышал ничего, кроме плоских рационалистических рассуждений о том, как оно "странно упало". Действительно, странно! Почему-то с людьми этого никогда не случается!

Мой знакомый, знаток испанской литературы, несколько позже довел до моего сведения, что в цепи его логических рассуждений была допущена ошибка: он искал пенсне, как предмет плоский (?!), лишь в двух измерениях, между тем как оказалось оно именно в третьем. По-моему, это — чепуха.

Между прочим, кончило это пенсне трагически. В тот же вечер, сняв с верхней полки пыльную папку рукописей, я чихнул; пенсне упало плашмя на пол и разбилось в мельчайшие осколки.

Пусть это будет случайностью — мне так легче думать. Я был глубоко огорчен, если бы были объективные данные считать этот "случай" самоубийством. И что могло побудить эту в сущности своей кристальную душу на роковой шаг? Прогулка по свету? Преувеличенный на одну

диоптрию взгляд на мир? Или тот публичный позор, которым я обставил возвращение моих загулявших стеклышек?

Мне жаль бедняжку! Мы долго жили дружно и вместе прочли много добрых и глупых книг, в которых людям приписываются и страсти, и разум, и сознательность поступков, а вещам отказывается в праве на малейшее волеизъявление, на мельчайшее проявление индивидуальности.

1924

Вариант 2.

Выполните целостный анализ стихотворения Д. С. Самойлова «Дом-музей». Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Выполняя целостный анализ текста, подумайте над следующими вопросами:

Какова идея стихотворения Д. С. Самойлова «Дом-музей»? Какую роль в раскрытии идеи стихотворения играет использованная автором модель музейной экскурсии и такой стилистический прием, как парцелляция? В чем смысл двойного эпиграфа к стихотворению? Каким предстает в стихотворении обобщенный образ поэта? Судьбы каких поэтов угадываются в тексте «экскурсии»? Какую позицию занимает лирический герой?

Давид Самойлов

ДОМ-МУЗЕЙ

Потомков ропот восхищенный,

Блаженной славы Парфенон!

Из старого поэта

...производит глубокое...

Из книги отзывов

Заходите, пожалуйста. Это
Стол поэта. Кушетка поэта.
Книжный шкаф. Умывальник. Кровать.

Это штора — окно прикрывать.
Вот любимое кресло. Покойный
Был ценителем жизни спокойной.

Это вот безымянный портрет.
Здесь поэту четырнадцать лет.
Почему-то он сделан брюнетом.
(Все ученые спорят об этом.)
Вот позднейший портрет — удалой.

Он писал тогда оду «Долой»
И был сослан за это в Калугу.
Вот сюртук его с рваной полрой —
След дуэли. Пейзаж «Под скалой».
Вот начало «Послания к другу».

Вот письмо: «Припадаю к стопам...»

Вот ответ: «Разрешаю вернуться...»

Вот поэта любимое блюдо,

А вот это любимый стакан.

Завитушки и пробы пера.

Варианты поэмы «Ура!»

И гравюра: «Вручение медали».

Повидали? Отправимся дале.

Годы странствий. Венеция. Рим.

Дневники. Замечанья. Тетрадки.

Вот блестящий ответ на нападки

И статья «Почему мы дурим».
Вы устали? Уж скоро конец.
Вот поэта лавровый венец —
Им он был удостоен в Тулузе.
Этот выцветший дагерротип —
Лысый, старенький, в бархатной блузе
Был последним. Потом он погиб.

Здесь он умер. На том канаве,
Перед тем прошептал изречение
Непонятное: «Хочется пе...»
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Смерть поэта — последний раздел.
Не толпитесь перед гардеробом...

Творческое задание

Ниже приведен текст стихотворения А. А. Блока «Незнакомка» и три иллюстрации к этому поэтическому произведению. Две из них сгенерированы нейросетью, а одна создана известным художником И. С. Глазуновым.

Попытайтесь понять, на какие смысловые оттенки и детали поэтического текста обратил внимания художник И. С. Глазунов, а на чем сконцентрировалась нейросеть, создавая обе картинки?

Объясните, какие оттенки смысла и настроения стихотворения нейросеть истолковала в соответствии с исходным текстом, а какие не смогла уловить. Какие детали и семантические нюансы нейросеть добавила «от себя»? Какие смысловые акценты расставлены нейросетью в рисунке? Как бы вы озаглавили эти «картины», созданные ChatGPT?

Художник И. С. Глазунов или нейросеть, с Вашей точки зрения, оказались ближе к авторской идее, выраженной в стихотворении?

Напишите развернутый связный ответ на поставленные вопросы.

Александр Блок

НЕЗНАКОМКА

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины
И раздается женский визг,
А в небе, ко всему приученный
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»* кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

* «*In vino veritas!*» (лат.) — «Истина — в вине!».

1906 г.

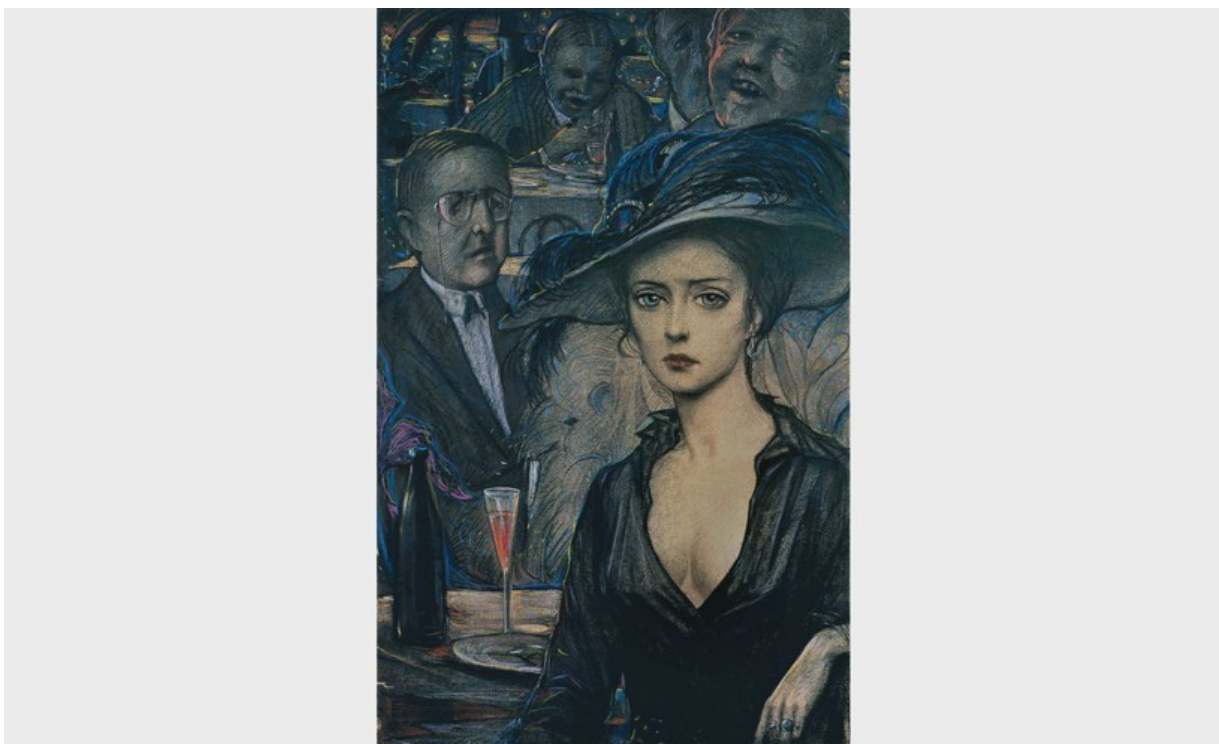

Иллюстрация № 1. Илья Глазунов, 1980.

Иллюстрация № 2. Изображение сгенерировано нейросетью.

Иллюстрация № 3. Изображение сгенерировано нейросетью.